

Инструменты компьютерной и когнитивной лингвистик в декодировании фразеологизмов: на примере паремии «в споре рождается истина»

Tools of computational and cognitive linguistics in decoding phraseological units: on the example of the proverb "truth is born in dispute"

Лазарев А.И.

Учредитель историко-филологического Фонда поддержки преподавателей
«Филологические Записки» А. А. Хованского, г. Воронеж
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.

Founder of the Historical and Philological Fund for the Support of Teachers
Philological Notes
A. A. Khovansky, Voronezh
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

В статье, посвящённой междисциплинарному исследованию паремии «в споре рождается истина», с позиций компьютерной и когнитивной лингвистик продемонстрировано, как сочетание методов корпусного и фреймового анализов, а также векторного моделирования (Word2Vec, BERT) позволяет выявить скрытые манипулятивные механизмы фразеологической единицы. На основе данных Национального корпуса русского языка, поискового сервера Google Books Ngram Viewer и NLP-экспериментов с участием искусственного интеллекта показано, что фраза функционирует как софизм, маскирующий эристику (спор ради победы) под эвристику (поиск истины). Когнитивно-лингвистический анализ раскрывает роль соматической метафоры «рождается» в формировании ложного восприятия конфликта как созидательного процесса. Результаты указывают на связь паремии с токсичными коммуникативными практиками в публицистике, медиа, соцсетях и т.п. Практическая значимость работы включает рекомендации по маркировке подобных «языковых мин», содержащихся в концептуальных ядрах фразем и оперирующих в датасетах ИИ, а также их замене на этически нейтральные или конструктивные примеры. Исследование вносит вклад в развитие критической киберлингвистики и методов нейтрализации манипулятивных паттернов в публичном дискурсе.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, когнитивная лингвистика, фразеологизмы, паремии, семантический анализ, корпусная лингвистика, концептуальные и соматические метафоры, диалектика, эвристика, софизмы, эристика, искусственный интеллект, ядерная языковая мина, токсичная коммуникация, культурные коды, семантическое поле, коллокация, хайпотаж, NLP, LLM, слепые пятна, датасеты.

Abstract

The article presents an interdisciplinary study of the proverb “truth is born in dispute” (“truth is born in dispute”) from the perspectives of cognitive and computer linguistics. Combining corpus analysis, vector modelling (Word2Vec, BERT), and frame semantics, the authors reveal the manipulative mechanisms behind this phrase. Data from the Russian National Corpus, Google Books Ngram Viewer and NLP experiments demonstrate that the proverb functions as a sophism, masking eristic (argument for victory) as dialectic (truth-seeking). Cognitive linguistic analysis highlights the role of the “birth” metaphor in framing conflict as a constructive process. Results indicate the phrase’s

association with toxic communication patterns in media and social networks. Practical implications include guidelines for tagging such “language traps” in AI datasets and replacing destructive clichés with ethically neutral and constructive alternatives. The study contributes to critical digital linguistics and methods for countering manipulative discourse.

Keywords: computational linguistics, cognitive linguistics, phraseology, proverbs, semantic analysis, corpus linguistics, metaphors, sophisms, eristic, language traps, NLP, artificial intelligence, toxic communication, cultural codes, critical discourse analysis.

Введение

«Меж ими всё рождало споры». - А.С. Пушкин

«Красен разговор, да не спор». - В.И. Даль

«А почто ты меня родил, коли я не просила!?» - Народная мудрость

Метафорически говоря, фразеологизмы словно янтарные языковые окаменелости хранят в себе вкрапления не только зёрен мудрости и культурных кодов, но и идеологических установок и когнитивных ловушек; часть их – осколки индивидуального художественного творчества, тогда как большинство – неизвестного происхождения. Одним из таких примеров является клише «в споре рождается истина», вопрос о появлении которого в русском языке вызывает неудовлетворенную пока от получаемых ответов любознательность. Между тем, несмотря на кажущуюся безобидность, эта сентенция функционирует как софизм, маскирующий эристику (спор ради победы) под эвристику (диалог ради истины), и, будучи укорененной в массовом сознании, негативно влияет на коммуникативные практики – от бытовых ссор до политических дебатов, нанося, судя по явному росту социальной конфликтности, ощутимый ущерб национальному сознанию.

Цель этой статьи: декодирование соматического фразеологизма на основе сложившихся в языковедческой традиции методов с применением технологий компьютерной и когнитивной лингвистик, тогда как в задачи публикации входит: выявление историко-культурных истоков фразы (т.е. не только то, как и где рождается истина, но и как и где рождаются такого рода паремии), анализ семантических полей входящих в фразему лексем; проверка их сочетаемости и возникающих на этой почве когнитивных искажений, а также оценка роли метафор в создании и декодировании (деконструкции [19]) софистических фразеоформ.

В настоящее время применение технологий компьютерной лингвистики и искусственного интеллекта в исследованиях фразеологизмов пока не может рассматриваться как самостоятельный метод, в виду своей новизны, поэтому имеет прикладной характер к уже известным и зарекомендовавшим себя практикам, сложившимся по мере развития фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины и вылившимся в два взаимодополняющих направления: традиционное, ориентированное на выявление сущности фразеологического значения в рамках языка-системы (исходя из его сопоставления с лексическими значениями составляющих его лексем), и когнитивное, направленное на изучение фразеологизма как реализации определенного свёрнутого концепта и вместе с тем – на изучение способов хранения, восприятия и воспроизведения фразеологических единиц на уровне обыденного сознания современного носителя языка и т.п.

Разумеется, для применения новейших прикладных технологий необходимы внятные представления о тех методах, интенсификации которых они могут служить [61], поэтому, чтобы обозначить векторы их использования, нам потребуется небольшой экскурс в историю формирования научного направления, номинально восходящего к работе Шарля Балли «Французская стилистика», где впервые была предложена классификация фразеологизмов [6].

Предпосылки и истоки формирования нового направления в отечественной лингвистической школе можно увидеть в трудах А.А. Потебни, впервые заговорившего о специфике фразеологического денотата в сравнении с лексическим, а также академика А.А. Шахматова, отмечавшего чрезвычайную важность вопроса «о неразложимых сочетаниях» слов и определение взаимных отношений входящих в их состав элементов [73].

Теоретические же начала отечественной школы связаны с именем Е.Д. Поливанова, предложившего рассматривать фразеологию как самостоятельную дисциплину, направленную на изучение «индивидуальных значений отдельных словосочетаний» (наподобие того, как лексика имеет дело с «индивидуальными лексическими значениями отдельных слов») и способную «занять устойчивую позицию в лингвистической литературе будущего» [51]. Тогда как начало практической научной разработки фразеологизмов – описание их происхождения и сфер употребления и т.п. – положил академик В.В. Виноградов, впервые применивший термин фразеологическая единица (ФЕ) [10]. К его заслугам в первую очередь относится предложенная им классификация, выделившая три типа фразеологизмов: фразеологические сращения («бить баклуши»), фразеологические единства («подливать масла в огонь»), фразеологические сочетания («одержать победу») [62].

Впоследствии к этой базовой и широко используемой в различных работах семантической классификации Н.М. Шанским был добавлен особый тип фразеологических оборотов, обозначенных как фразеологические выражения (бьет – значит, любит) [72], или паремии, к которым относятся и «многие фразовые штампы, клише, типичные для разных литературных стилей, и литературные цитаты, и крылатые выражения, и народные пословицы, и поговорки» [10], рассматриваемые В.В. Виноградовым как разновидность фразеологических единств [39].

Разумеется, с развитием науки в традиционном направлении были выработаны комплексы методов изучения ФЕ, так что сложившаяся к настоящему времени обширная лингвистическая терминология имеет ряд классификаций фразеологических терминов, охватывающих различные составляющие их структурного и семантического характера [70]. Например, в диссертационном исследовании О.Ю. Зеленкиной использованы два новых понятия – фразеокод (фразеологический код) и фразеоглосса: фразеокод представляет собой «своего рода «лингвогенетический код» фразеологической системы, «лежащий в основе ее возникновения и развития, изучив который, можно более глубоко понять сущность самой системы, а через нее – и ряд этнокультурных закономерностей...» [34], тогда как фразеоглосса – это особый знак вторичной номинации, основная единица фразеокода, которая может состоять из любого количества лексических компонентов – от одного до всех входящих в состав ФЕ [17]. Сюда же можно отнести и классификации, основанные на степени семантического сходства, структуры и происхождении, экспрессивной и стилистической окраске и других характеристиках [70]. С этой стороны, все фразеологические обороты предварительно разделяются на семь групп, из которых заявленной темы касаются три первых: те, которые репрезентируют физиологические процессы, те, которые ассоциируются с речевой деятельностью, те, которые представляют ментальную сферу и др. [75].

Фразеологические методы позволяют анализировать различные стороны ФЕ, что способствует изучению фразеологического фонда языка во всей его многосторонности [56], в ряд важнейших аспектов которой входит анализ фразеологической семантики. К наиболее разработанным и широко применяемым относится метод фразеологического анализа А.В. Кунина, существующий в двух взаимосвязанных разновидностях: фразеологической идентификации и фразеологическом описании, а также метод синхронного исследования, позволяющий рассматривать ФЕ в статике и динамике и допускающий «в случае необходимости привлечение исторических данных» [39].

Процедуры метода фразеологического описания взаимозависимостей компонентов ФЕ, способствуют выявлению и анализу системных связей в сфере фразеологии (лексической и фразеологической семантики; способов фразообразования и фразообразовательных моделей; функций фразеологизмов; синонимии и антонимии, иерархичности и т.п.), а также выделению различных классов и типов значения устойчивых сочетаний слов [56].

Н.Н. Амосовой был разработан контекстологический метод, основой которого стали:

- исследования контекстуального взаимодействия единиц;
- изучение фразеологии в рамках речевого употребления;

- учёт специфики изучаемого языка и т.п. (при этом спорным, однако, выглядит её утверждение, что «сущность фразеологического явления не может быть добыта из наблюдения за его исторической динамикой» [2], поскольку настоящая публикация как раз доказывает иное).

Особо необходимо отметить вклад в изучение фразем В.Л. Архангельского, раскрывшего закономерности структурной организации устойчивых сочетаний слова и фраз и выделившего фразеологическое значение в качестве особой лингвистической категории [5]. По мнению учёного, содержательная структура ФЕ включает в себя совокупность как минимум пяти элементов, находящихся в иерархических отношениях и взаимодействующих друг с другом: это собственно фразеологическое значение, грамматическое значение, эмоционально-экспрессивное значение, стилистическая и социально-коммуникационная оценка [57].

При этом лексическая абстракция обобщения, подразумевающая монолитность лексемы как родового знака, резко отличается от фразеологической абстракции, состоящей в том, что «осознавая слитное значение фраземы, в составе которой есть псевдообозначающие элементы, говорящий отвлекается от значения лексем в ее составе» (это обстоятельство особенно важно при изучении деструктивных элементов ФЕ) [4]. Осознание и научное описание этого различия послужило переходным этапом от традиционного фразеологического направления к психолингвистическому и когнитивному, в рамках которого значение ФЕ начинает восприниматься не просто как конструкт, а как «достояние языкового сознания, реальный источник информации, работающий как единица языкового кода», а также как макрокомпонентная и многомерная информационная структура, включающая в себя различные блоки информации [65]. Наряду с установлением принципа восприятия фразеологических единиц как «сущностей, занимающих промежуточное место между единицами языка и единицами речи» [22], фразеологи-когнитивисты стали изучать также и вопросы, связанные с хранением ФЕ в сознании говорящих; степенью их представленности на уровне обыденного сознания по сравнению с фразеологическими словарями; выявлением национальной специфики фразеологизмов и особенностей восприятия носителями языка различных компонентов фразеологического значения и т.п.

Таким образом ключевое отличие когнитивного направления от традиционного выразилось в смещении акцента на антропоцентрический характер исследований, связанный со стремлением изучить коммуникативное предназначение и описать всю несомую ФЕ палитру информации. Здесь надо отдельно отметить, что в качестве «связующего звена» между этими направлениями, или их «общего места», выступает используемая в ФЕ метафора, которая, метафорически говоря, играет роль узла, связывающего язык, мышление и культуру, или линзы, обостряющей понимание рассматриваемого понятия [9]. В метафоризированном фразеобороте детали исходных пространств «смешиваются» в так называемом «бленде», в результате чего образуется качественно новая концептуальная структура, не зависящая более от исходных пространств и получающая собственные потенции к дальнейшему развитию. По метафорическому выражению исследователей М. Тернера и Ж. Фоконье блэнд «живет своей собственной жизнью» [77].

Как известно, метафора представляет особый языковой механизм, который позволяет представлять одну мысль через другую, уже более известную. В когнитивной науке метафора признается значимым фактором развития сознания, поскольку даже на подсознательном уровне человек способен проецировать одно явление на другое. Происходит это потому, что наш жизненный опыт организуется посредством некоего стереотипного образа – когнитивной модели, которая воплощается в языке в форме метафоры. Такое понимание когнитивного потенциала метафоры дало Дж. Джейнсу основание выдвинуть теорию, согласно которой сознание вообще появилось вместе с возможностями языка создавать метафоры. По его словам, «абстрактные когнитивные структуры формируются при помощи конкретных метафорических переносов» [78: 50], поэтому можно утверждать, что метафора как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры и есть основной способ построения языковой картины мира и структурирования окружающей нас действительности.

Продуктом аналоговых возможностей разума человека, помогающих формировать особый взгляд на окружающую действительность и структурировать её, выступает концептуальная метафора, служащая продуктивным средством формирования вторичных номинаций и способствующая осмыслению сущности одной понятийной области через другую: в её категориях и свойственных ей понятиях [41].

Таким образом, представляющая собой не только стилистический элемент и культурное явление языка, но и универсальный познавательный и описательный механизм, метафора не только рисует сложную когнитивную структуру, посредством которой создается фразеологическая картина мира, но и выступает как когнитивный процесс, формирующий новые понятия и вместе с ними паттерны.

Одной из особенностей фразеологизмов с концептуальной метафорой является, так сказать, возведенная в степень двусмысленность (неоднозначность), ведь помимо собственно фразеологического переноса смысла прямого лексического значения, использование метафоры внутри ФЕ усиливает иносказание, так что их смысл может быть кратно противоположным буквальному прочтению, по разным осям координат [59]. Можно сказать, метафора в ФЕ – это, по сути, метафора в квадрате – как минимум удвоенный потенциал для когнитивных исследований.

Рассматривая метафору с когнитивных позиций, следует отметить, что вопрос о соотношении возникающих из подсознания образов и устоявшихся в сознании носителей языка понятий до сих пор остается открытым. В качестве одной из попыток ответа на этот вопрос выступает теория концептуального моделирования актуального значения идиомы Д.О. Добровольского и А.Н. Баранова, суть которой заключается в том, что в качестве источника формирования идиоматического значения выступают не значения слов-компонентов, а связанные с ними фреймы и сценарии, в связи с чем значения идиом предлагается описывать как результат концептуальных преобразований над фреймами / сценариями и их составляющими – слотами [7]. Особенно интересной представляется выдвинутая в связи с этой теорией гипотеза о способе хранения фразеологизмов в памяти носителей языка в виде редуцированных до ядерных прототипов концептуальных структур [17].

Согласно этой гипотезе, хранимая в памяти концептуальная структура фразеологизма включает в себя три составляющие: образ, представленный в памяти в виде свернутого до гештальта; понятие, свернутое до концептуального ядра; форма фразеологизма, свернутая до квазисимвола [22]. В процессе восприятия или передачи фразеологизма происходит его «когнитивная развертка», осуществляемая в каждой составляющей свернутой концептуальной структуры ФЕ (в концепции когнитивной фразеологии значимым является также и понятие фразеологического макрообраза, на основании которого ряд фразеологизмов объединяется во фразеосемантическое поле) [17].

Согласно существующему предположению, при образовании метафоры идет активация тех областей мозга, которые отвечают за наглядные и абстрактные образы [77]. При этом актуализируются фреймы, а формирование метафоры происходит по следующей схеме: восприятие человеком предмета или явления окружающего мира – процесс поиска ассоциируемых с конкретными языковыми формами фреймов – помещение содержания высказывания в уже имеющийся фрейм – интерпретация с учётом накопленного жизненного опыта [3]. В семантике фразеологических единиц, представляющих тот или иной фрейм, значения отдельных компонентов сводятся в единую, комплексную ситуацию, что позволяет целостно воспринимать значение конкретного фразеологизма. Важная роль в этом процессе отводится антропоморфной (физиологической) метафоре [46].

В последние годы наблюдается активное изучение отдельно стоящего и наиболее действенного пласта фразеологизмов, включающих соматические метафоры, то есть содержащие символическое выражение функций и частей тела. Интерес к этой области вообще обусловлен антропоцентрическими истоками и характером познавательной деятельности, в силу которых в описании окружающего мира человек испокон веков ищет сходство с самыми близкими и известными объектами, то есть с собой любимым – со своими формами (антропоморфизм) и повадками (антропопатизм).

Таким образом, обращаясь к самым древним пластам сознания, соматические метафоры выражают и древнейший из существующих соматический культурный код, тесно связанный как с антропологией, так и с культурными традициями народа, его историей, мифологией и даже философией [53]. В свою очередь изучение метафорического «соматизма» как процесса возникновения в языке соматических метафор позволяет распознавать когнитивные механизмы или модели мышления, содержащие опыт и миропонимание разных народов и находящие выражение в национальных языках.

Поскольку соматическое моделирование метафор касается древнейших пластов, это автоматически подразумевает наличие в них, как в палимпсестах, более поздних семантических наслоений, которые в конце концов приводят к «затиранию» метафорической природы фраземы и её превращению в штамп или даже иногда научный термин настолько [16], что её фигуральный характер перестает ощущаться – вплоть до возникновения так называемой метафоры-формулы (отличающейся ещё большей стереотипностью и даже невозможностью преобразования в нефигуральную конструкцию), с её последующим проникновением не только в языковую норму, но и её индоктринацией и превращением в модель мышления и действия, создающую и устанавливающую, или моделирующую, новую для юзеров реальность [41].

Инкорпорация в ФЕ посредством метафоры соматического кода, заключающегося в переносе знаний о себе самом на окружающую действительность и представляющегося наиболее древним из существующих, вызывает особый исследовательский интерес, принимая во внимание тот факт, что в основе человеческой личности, согласно классической теории психоанализа, лежат два фундаментальных побудительных мотива: конструктивное (*libido*, или *construdo* – терм. авт.) и деструктивное (*mortido*, или *destrudo*) [8].

В этой связи вызывает интерес изучение истоков фразеологической деструктивности в языке, поскольку уникальная природа фразеологического значения дает возможность, оперируя всего одной категорией, разрабатывать в когнитивистских изысканиях огромный теоретический пласт [1].

Примечательно, что деструктивность, заключающаяся в склонности к бессмысленному и бессознательному разрушению, исходящему от человека и направленному либо вовне, на внешние объекты, либо внутрь, на самого себя, и представляющаяся как характеристика, типичная только для человека [64], в фразеологии может быть метафорически выражена в конструктивной оболочке. В этом отношении особенно привлекает внимание тот подвид ФЕ, где деструктивность получает выражение в квази-конструктивном образе за счет «стирания» метафоры, что приводит к выводу об особой значимости выявления первичного деструктивного значения ядерных элементов ФЕ при формировании вторичных, переосмысленных их значений [15].

Декодирование инкорпорированных в ФЕ «стёртых» соматических метафор, способных вносить деструктивные формы в языковую картину мира в виде имплицитной языковой агрессии и представляющихся в виду их связи с архетипами архидревними, дает возможность не только определять, в чем заключаются особенности ФЕ как средств репрезентации категории деструктивности, но также находить в пристальном изучении проблемы способы нейтрализации их негативного влияния на национальное языковое сознание.

Этим можно объяснить повышенный интерес ученых к изучению языковых единиц с деструктивной семантикой в рамках рассмотрения коммуникативно-прагматической специфики дискурса и особенно в контексте языковой и/или речевой агрессии [71], а также – обозначить и актуальность данной работы.

Итак, на фоне этой кратко вышеизложенной фразеологической истории, в данной статье на конкретном примере будет проанализировано, как сочетание новейших прикладных киберлингвистических технологий с традиционными и когнитивными методами изучения фразеологизмов позволяет вскрывать скрытые и проявлять стёртые смыслы ФЕ, а также обнаруживать их историческую трансформацию и выяснять их социокультурное воздействие. Для этого здесь будет представлено три исследовательских блока: первый касается корпусных исследований и обзору самых ранних публикаций с упоминанием исследуемой фраземы и её контекстов, а также обозначения других ФЕ, входящих в общее (по экспрессивной и

стилистической окраске) фразеосемантическое поле; второй – рассмотрения фразеологической семантики фраземы на фоне лексических значений входящих в её состав лексем (по словарям В.И. Даля и А.С. Пушкина); третий – анализа NLP-данных и сопоставления семантических полей.

Предварительно, однако, надо сказать, что анализ исходной содержательной структуры фразеологического выражения «в споре рождается истина» обозначил историко-культурный контекст, восходящий к противостоянию двух основных школ античной философской мысли: высоко-классической (Сократ, Платон, Аристотель) и софистской (Протагор, Гераклит, Горгий), а вместе с ними и двух традиций, ключевое различие между которыми заключается в характере диалога, лежащем в обосновании каждой: в высоко-классической диалектике – эвристический (от др.-греч. εὐρίσκω – открывать), или порождающий процесс постижения истины в сознании ученика; в софистике – эристический (от др.-греч. ἐρίς – спорить), или состязательный, направленный не на обнаружение истины, а на риторическую победу.

Иначе говоря, сократики видели в майевтике – повивально-родильном искусстве – метод отыскания пути к истине через вопросы, самопознание и нравственное совершенствование, тогда как софисты, абсолютно игнорируя обусловленную истинами мораль, использовали эристику для победы в спорах, не заботясь об этике: «Если она (то есть диалектика. – Д.Д.) выполняет свое подлинное назначение, заключающееся в обнаружении истины, то ничто не может быть ей более чуждо, чем эристика и софистика» [20].

Компьютерно-лингвистический анализ текстов в панхроническом конкордансе Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также – в поисковом сервисе Google Books Ngram Viewer (GBNV) на русском языке, показали, что в отечественной литературе фразема «в споре рождается истина» появляется в источниках не раньше 20-х годов XX в.

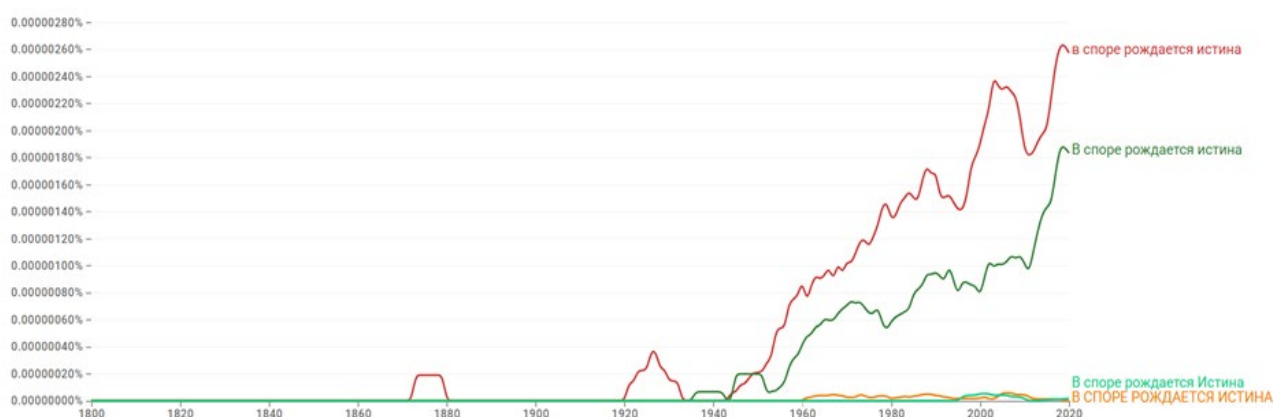

Рис. 1. ФЕ «В споре рождается истина» в русскоязычных текстах с 1980 по 2020 г.

Небольшое отклонение от нулевого уровня, согласно панхроническому конкордансу (НКРЯ), связано с «Письмами из провинции 1868-1870» М.Е. Салтыкова-Щедрина, где в ироничной стилистике настоящего мастера своего дела можно разглядеть её предпосылки и уяснить контекст, хотя сама фразема тогда так и не сложилась:

«Очевидно, что здесь раздор уже перестает быть просто раздором, но оказывает свое пагубное влияние на самое блинное вещество. Известно, что никакие жизненные отправления не требуют такого спокойствия духа, такой твердой уверенности во взаимном доброжелательстве соревнующих, как обеденные увеселения и игра в карты. Это совсем не то, что заседания академий или иных ученых обществ, где примерные раздоры в известном случае даже необходимы, потому что из них, как слышно, рождается истина. Тут, напротив того, собираются люди, которые уже умудрились, которые никакого интереса в отыскивании истины иметь не могут, по той причине, что она уже давно найдена. Поэтому, в этих случаях, не только неуместное галдение, но даже простое сомнение относительно благонамеренности кого-либо из партнеров может произвести в остальных лишь желудочную смуту, последствия которой трудно даже предупредить» [60].

В сочинениях же других классиков русской художественной и научной литературы XIX в. это фразеологическое выражение не встречается, равно как и в «Словаре живого русского языка» В.И. Даля, где истина сочетается исключительно с такими именами, как милость («Милость и истина сръѣтостѣся»), любовь («Любовь и истина образуютъ двоицу премудрости»), добро («Истина и добро не раздѣльны»), обладая при этом такими несомненными эпитетами, как «безспорная», «непререкаемая», «непреречимая», «неоспоримая», «неопровержимая», «очевидная», «видимая», «не требующая доказательствъ» и т.п.

Где, к тому же, «написанныя или печатанныя бесѣды Сократа» названы «разговорами», а не «спорами» («Красень разговоръ, да не споръ», «Умѣть онъ стать и сѣсть, умѣть разговоръ вести»). Наоборот, у М. Лермонтова находим: «Борьба рождает гордость» и «Стыдить лжеца, шутить над дураком / И спорить с женщиной, – всё то же, / Что черпать воду решетом: / От сих троих спаси нас, Боже»; тогда как у А. Пушкина встречаем: «С ученым видом знатока Хранить молчанье в важном споре», «К чему бесплодно спорить с веком?», «Меж ими всё рождало споры» и «Не оспаривай глупца»; а у Л. Толстого: «В спорах забывается истина. Прекращает спор умнейший».

Из чего можно сделать общий вывод, что для национального сознания Золотого века русской литературы на этот счёт характерны примерно такие представления: породить споры может всё что угодно, тогда как истины бесспорны. Это в полной мере соответствует и мировоззренческо-культурной монотеистической традиции, выраженной устами Екклесиаста: «Всё происшедшее предопределено заранее, и что такое человек – известно. Спорить об этом бессмысленно. Не может с Богом спорить человек» [Екк. 6: 10], а также: «Если мудрец вступит в спор с глупцом, то рассердится ли он или рассмеётся, покоя он не найдёт» [Притч. 29: 9].

Впервые в уже сложившейся формуле (согласно полученным в ходе компьютерно-лингвистического анализа в поисковом сервисе GBNV данным и принимая во внимание возможные погрешности) фразеологическая единица «в споре рождается истина» (ФЕ «ВСРИ») встречается в прениях на краевом совещании саратовских чумоведов: «Мы здесь много спорили, еще нет единообразия во мнениях, но в споре рождается истина, а истина ценнее всего. Этот наш чумной уголок самый интересный во всем мире, здесь много разнообразного, много загадок...» [65]. В 1926 г. интересующая нас ФЕ проявляется в агрономическом контексте, в трудах по опытной энтомологии, уже как некое положение: «Проследить дискуссию вокруг теории Бернера чрезвычайно интересно даже для тех, кто непосредственно далек от вопросов виноградарства, ибо здесь буквально применимо положение: «в споре рождается истина» [66]. В то же время в научно-философском контексте среди сотрудников Коммунистической академии фраза «в споре рождается истина», воспринимается как «сомнительная формула, которая несовместима с принципами научного управления» [47].

В 30-х ФЕ «ВСРИ» в публикациях практически не встречается (если не принимать в расчет её другую, откровенно конфликтную версию в журнале «Вольное казачество», в рассказе «Вдуматься – отомстить» Н.Б. Нечуй-Левицкого: «Мир был бы очень скучным, если бы все имели одинаковые взгляды, суждения и стремления. Из столкновения разных мнений рождается истина! Наше миропонимание в конце концов не более, как абстракция от живой действительности, искусственная надстройка над человеческой природой, которая у нас всегда останется казачьей» [49]), а появляется лишь на самом их исходе, в журнале «Детская и юношеская литература», в обсуждении «положительных основ методологии стиля детской литературы» в связи с критикой тов. А. Макаренко [38].

В 1948 «чумную эстафетную палочку» перенимает журнал «Новый мир» и переносит фразему в библиотечарскую среду: «В споре рождается истина. Сопоставляя и анализируя доводы критиков, их споры о книге, библиотечарь привлекает и свои скромные знания, свое понимание литературы и делает нужный вывод.

Таким образом ...» [30], а чуть раньше она мелькает и в режиссерской и артистической богеме: «Сахновский не боится вступать в полемику со своими современниками –

режиссерами и театральным деятелями, так как «в споре рождается истина». Он нередко ссылается на мнения Станиславского и Немировича-Данченко в том или ином вопросе» [63].

В 1951 г. наша фраза умозрительно выходит за отечественные границы: «Только в споре рождается истина» таков лозунг передовых деятелей искусства. Важные теоретические выводы, к которым пришли художники школы «нового реализма», сформулированы Борисом Таслицким: «Французское искусство сможет обновиться лишь через контакт художника с народом, причем деятель искусства должен быть не только зрителем, но и активным участником борьбы» [26].

В 1954-м исследуемая ФЕ возникает в художественном тексте на грани фантазии, науки и литературной эклектики: «...в споре рождается истина, но не будем путать фантазию с наукой. Иван Владимирович Мичурин любил повторять золотые слова: «Теория сера, друзья мои, вечно зелено дерево жизни» (очевидно, здесь имеются в виду слова Мефистофеля из «Фауста»: «Теория, мой друг, суха, Но зеленеет жизни древо» – в переводе Б. Пастернака, «*Grau, teurer Freund, ist alle Theorie, und grün des Lebens goldner Baum!*» – в оригинале И.В. фон Гёте) [24].

В 1955 г. ФЕ «ВСРИ» получает легитимацию в учебнике «Судебное разбирательство в советском уголовном процессе» как элемент судебной риторики: «В споре рождается истина. Прения сторон являются лучшим способом разрешения всех фактических и юридических спорных вопросов. Выслушав стороны, судьи получают большую возможность познать истину и принять правильное решение» [50]. В 1956 г. в журнале «Наука и жизнь» наша фраза обретает глубокие корни: «В споре рождается истина» – гласит старинная поговорка.

Чем жарче дискуссия, тем больше оснований полагать, что извечная тайна природы – возникновение жизни на Земле будет в конце концов решена всепобеждающим разумом...» [28].

В 1957-м, в сборнике «Вопросы международного права в теории и практике США», опубликованном под редакцией чл.-кор. АН СССР проф. Е.А. Коровина, ФЕ «ВСРИ» вписывается в дипломатический формат как «известная пословица, которая очень выразительно передает смысл любой международной конференции: «только в споре рождается истина» [11]. В том же году в философской серии «Ученых записок ленинградского университета им. А.А. Жданова» исследуемая фраза выступает уже едва ли не как пример научной этики и метод познания: «Задача как раз и состоит в том, чтобы ставить новые вопросы и стремиться решить их, не боясь возражений, а, напротив, помня, что в споре рождается истина. Смелость в постановке и решении вопросов при свободном обмене мнениями и борьбе их – в этом и заключается подлинный залог успеха в творческом развитии любой науки [68]. Тогда же эта ФЕ начинает мерцать и в журнале «Огонёк»: «Вопрос. По каким проблемам идут наиболее горячие споры? Ответ. Споров много. Это хорошо, ибо, как говорят, в споре рождается истина» [31].

В 1958 г. в сборнике «Воспитательная работа в школьном коллективе» Института теории и истории педагогики (Академии педагогических наук РСФСР) эта фраза ретранслируется в образовательно-воспитательный процесс: «В споре рождается истина. Обо всем этом я сказал вожатым. Сказал также, что проведение тематических сборов «по-старому» не развивает у пионеров сознательной самостоятельности и нужной активности, и предложил вожатым ...» [12]. В 1959 г., в повести «Курсанты» в диалоге героев Коркина и Веснущенко она уже обретает статус веками проверенной премудрости: «Этой истине две тысячи лет» [55].

В следующем 1960-м, в организованной журналом «Октябрь» дискуссии по проблемам коммунизма, «отличающейся оригинальностью и смелой постановкой новых, еще не решенных вопросов, взятых из самой жизни и связанных с предвидением перспектив общественного развития», ФЕ «ВСРИ» представлена как «вечный закон развития творческой мысли, [который] сильно действует в эпоху перехода к коммунизму, когда прокладываются новые пути...» [32].

А в 1961-м, в журнале «Наука и жизнь», эта фраза обретает актуальность в среде селенологов, достигая уже панхронического и космического масштаба: «На очередь дня встал полет человека в Космос. <...> В споре рождается истина – гласит древняя поговорка. Может

быть, и здесь открытое обсуждение селенологов, как называют специалистов, исследующих Луну ...» [29].

К началу 60-х ФЕ «ВСРИ» пропитывает практически все мейнстримные журналы, перетекая из литературно-художественного альманаха «Волга» в литературный журнал «Дон» – один из официальных печатных органов Союза писателей РСФСР – чье имя сродни удару колокола, собирающему людей и возвышающему душу: «Третий час без перерыва спорят скоростники. А в споре рождается истина» [25]. Далее – в журнал «Народное образование»: «Ваша статья вызвала большой педагогический спор, а в споре рождается истина» [27], затем – в «Советскую печать» в статусе известного положения: «... спорим, к соглашению, положим, не приходим, но всё-таки известное положение о том, что в споре рождается истина, оправдывается и здесь» [33].

Охватив таким образом массовое сознание к концу XX века ФЕ «ВСРИ» проникает в статусе афоризма в толковый «Русский семантический словарь», изданный под эгидой Российской академии наук и общей редакцией ак. Н.Ю. Шведовой в Институте русского языка им. В.В. Виноградова [58]. А в самом начале нового миллениума доктор философских наук и сотрудник Института философии РАН Г.Д. Левин в журнале «Вопросы философии» задается вопросом об истинности якобы «известной еще с античности [по его словам, с V-IV вв. до н.э.] поговорки: «В споре рождается истина?» и выдвигает тезис о её ложности, утверждая, однако, в заключении, что «высшая разновидность диалога – спор – всегда будет важнейшим компонентом духовной жизни человечества» [23]. В 2016 г. канд. филос. наук Н.А. Фролова высказывает любопытную, но всё же не бесспорную мысль, что, «видимо, именно спор из века в век возрождал философию к жизни» [69], а в 2018-м юная исследовательница П.К. Меньшенина в международном научном еженедельнике «Молодой ученый» приписывает нашу фразу отцу-основателю высоко-классической философской школы: «Как говорил Сократ: «В споре рождается истина» [45].

В итоге, современная нейросеть Nicebot в одном из «образцов сочинения с примерами из литературы» по теме «В споре рождается истина» прямо ассоциирует подследственную фразу с именами классиков русской литературы А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским, аргументируя это собственными оценками их творчества: «Таким образом, можно утверждать, что спор является неотъемлемой частью пути к раскрытию глубинных истин. Через диалоги, часто наполненные страстью и эмоциональностью, персонажи литературы приходят к постижению нового уровня понимания как себя, так и окружающего их мира. Эти споры показывают, что столкновение разных точек зрения не только порождает истину, но и способствует личному росту и развитию. Литература, как мощный проводник человеческих эмоций и мыслей, служит превосходным примером того, как в споре действительно рождается истина» [48].

Эти высказывания молодых исследователей на фоне сочинения нейросети искусственного интеллекта являются, пожалуй, самым красноречивым свидетельством уровня осведомленности современных авторов в области античной мифологии и философии, тогда как, бесспорно, на примере различий уже только между Иридой (вестницей богов и по рождению номинально связанной с удивлением) и Эридой (матерью скандалов) можно было бы уразуметь и различия между эвристикой и эристикой, а заодно и между Сократом, утверждавшим что философия является порождением удивления [Тэатет, 155d], и Протагором, который, «не заботясь, спорил о словах» и от которого «берёт своё начало нынешнее племя спорщиков» [21]. Или, если бы читали классиков XXI века, могли бы усвоить, что фраза «В споре рождается истина» принадлежит не самому Сократу, который знал, что ничего не знает, а его жене – Ксантиппе, которая знала, что знает всё [18]. Впрочем, с другой стороны, нельзя исключать, что дидактическая функция этого «афоризма» может заключаться и в том – как-таки учить хорошим манерам на дурном примере.

Вместе с технологиями компьютерной лингвистики, показавшими, что до начала XX в. в отечественных текстах исследуемая фраза не обнаруживается, потенциал когнитивной лингвистики дает возможность проанализировать её фразеосемантическое поле, само собой предполагающее наличие в нём ряда других фразем со схожей семантикой, сочетающей в себе противоречивые мотивы: как деструктивный \мортидный\ – «спор», так и конструктивный

/либидный/ – «рождается». Это сочетание инструментов компьютерной и когнитивной лингвистик помогает не только выявить синонимичные фраземы, но и построить на основании НКРЯ и с помощью сервиса GBNV графики частотности их употребления в отечественных художественных, научных и публицистических текстах.

На основании подобия «свернутой до концептуального ядра» фразеологической интенции к этому полю можно, пожалуй, отнести такие ФЕ, как: «Бьет – значит, любит» [13] и «Добро должно быть с кулаками» [14; 44; 54].

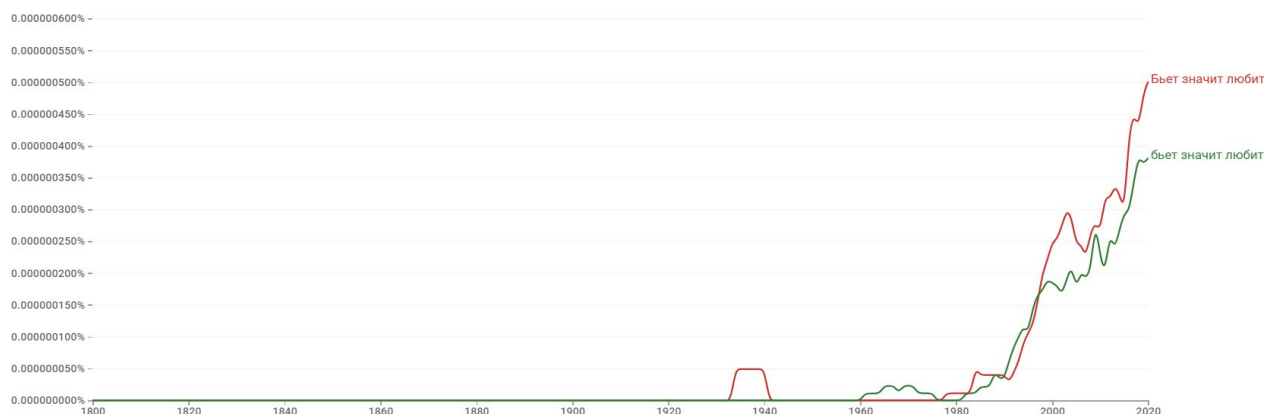

Рис. 2. ФЕ «Бьет – значит, любит» в русскоязычных текстах с 1800 по 2020 г.

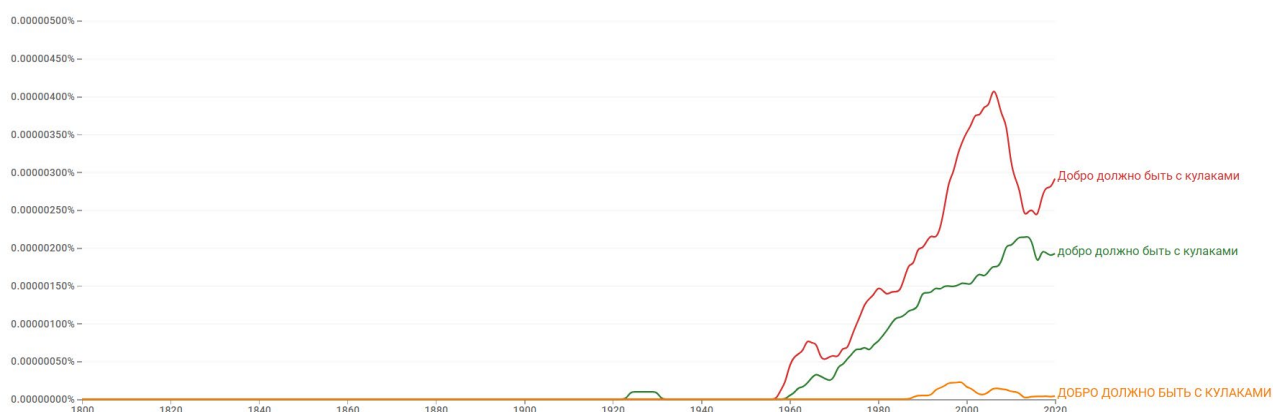

Рис. 3. ФЕ «Добро должно быть с кулаками» в русскоязычных текстах с 1800 по 2020 г.

Принимая, однако, во внимание ограниченные пока возможности технологий компьютерной лингвистики (в том числе из-за качества сканирования), здесь видится необходимым подтвердить достоверность представленной ими информации традиционными докибернетическими способами и установить по аналоговым версиям «Толкового словаря живого русского языка» В.И. Даля и «Словаря [литературного] языка А.С. Пушкина» коллокационные и синонимичные сочетания всех трёх лексем декодируемой фраземы; определить их контекстуальные и фреймовые характеристики; возможную метафоричность; а также модели взаимодействия их семантических полей.

Итак, в словарях Даля и Пушкина лексема «спор» сочетается с глаголами: «затевать», «заводить», «состязаться», «разводить», «решать». (нейтр.), «лѣзть въ споръ, въ драку», «сцѣпиться», «биться», «разгарається», «избегать» (негат.), «прекращать», «одолѣвать», «разрѣшать», «выиграть» (позит.).

В словаре В.И. Даля лексема «спор» выступает синонимом к следующим существительным:

- галда, голда, голда ж. (от галдить, голдобить, голдѣть) – споръ, говоръ, крикъ, шумъ, брань;

- голословъ м. – бездоказательный спорщикъ;
- голопреніе ср. – голословное, пустое преніе, ни къ чему не ведущій споръ;
- логомахія ж. – словопреніе, споръ изъ пустаго въ порожнее (пртв. логика ж. – греч. наука здравомыслія, наука правильно разсуждать);
- умословіе, пртв. логикъ м. – умословъ, правильный и здравый мыслитель, знающій науку правильного разсужденія, (логический, логичный, согласный съ логикою, здоровое, правильное разсуждение);
- полемика ж. греч. – письменный, ученый споръ, перебранка;
- перечникъ, перечница, кто во всемъ перечить, противникъ, спорщикъ, строптивецъ;
- перечина ж. перечье ср. пск. – противоречіе, споръ, супротивность;
- преніе отъ переть – споръ, ссора; состязаніе, тяжба; битва, сраженіе или драка, ратованье, споръ, борьба, бой (прѣніе, отъ прѣтъ);
- противоречіе – споръ, прекословіе, опроверженіе чего;
- разноречіе, противныя, несогласныя показанія, (два несомѣстныя обстоятельства);
- пря ж. – борьба, ратованье, бой, битва, сраженіе, состязанье, спорованье, словопренье, споръ; жаркая битва, жаркій споръ, неутомимый, ревностный;
- пари – споръ на выигрышъ или самая ставка, о чемъ быются, закладной споръ;
- противщикъ м. противщица ж. – противникъ, врагъ, упрямый, укорный, спорщикъ;
- противленіе ср. – спорованье, сопротивленіе;
- отвращеніе, нелюбовь, ненависть, антипатія;
- противный, супротивный, противоположный – стоящій лицомъ къ лицу, на двухъ концахъ черты;
- спорующій, встрѣчный, непріязненный, противная сторона въ спорѣ, несогласная, «Противныя стороны сошлись, и бой закипѣлъ»;
- препиранье ср. – препрѣніе (препреніе) ок. дѣйств. по гл.;
- споръ, спорованье, преніе, состязанье;
- распря ж. распрѣ(?) ніе ср. стар. (отъ распирать?) – пря, споръ, преніе, состязанье противниковъ;
- несогласія, раздоры, ссоры, смуты. «Отъ распри двухъ сосѣдей и до распри государствъ – все богопротивно»;
- свада ж. свара, споръ, смута, ссора, несогласія, вражда, брань, драка. «Всеволодъ же не хотя видѣти свады». Никн. «Въ той свадѣ убиша Мирославича», лѣтпс. сваженіе, дѣйств. по значн. гл. «Усобная рать бываетъ отъ сваженія діавола», лѣтпс.;
- словобореніе, словопреніе, словопря, словосостязаніе – споръ на словахъ, не на письмѣ, бесѣда разномыслящихъ;
- содомъ м. – шумъ, гамъ, или споръ, крикъ, брань;
- стыра об. стырщикъ, -щица – влгд. прм. спорщикъ, строптивый, бранчивый;
- спорникъ, -ница, спорщикъ, -щица, спорила, спорчивый человекъ – охотникъ всегда спорить и прекословить, опровергать что и поставить на своемъ. «Противъ Божьей воли, противъ добрыхъ людей». «Ему ни спорника, ни поборникъ». «Кто добрыхъ людей не слушаетъ, тотъ Богу спорникъ»;
- супоръ м. – сѣв. споръ, препинаніе; супротивность, пря, боренье, драка; перекоръ, прекословіе, строптивость. «Не говори ему въ супоръ». «Онъ все на супоръ дѣлаетъ», или всупоръ, насупоръ нарч. «И створиша супоръ, вятшіи велятъ ся яти меньшимъ по число», лѣтпс. Супорный, упорный, строптивый, противный, непокорный. -рность, -рство, упорность, упорство. Супорить, спорить, упираться, противиться; -ся, то же, или взм.;
- сшибка – стычка съ непріателемъ, особ. Рукопашная; словесная борьба, споръ; ссора, перебранка;

- споренѣ ср. – словесное состязанѣ, устное или письменное преніе, гдѣ каждая сторона, опровергая мнѣніе противника, отстаиваетъ свое;
- стязаніе – споръ, прѣ, преніе, состязанѣ;
- тяжба ж. – тяга, тул. тяжа стар. искъ по суду; споръ о наслѣдствѣ; споръ, жалоба и разбирательство судебное, бол. за имущество;
- тягунъ или тягуша об. – задора, сварливый спорщикъ, сутяга;
- застрѣльщица – бойкая женщина, начинающая брань, ссору, споръ, вмѣстѣ съ товарками, которыя ее поддерживаютъ.

Лексема «спорить» в фраземах из словаря В.И. Даля:

- спорить, спаривать съ кѣмъ, противъ кого, о чемъ (противъ, бол. знч. споровать; отъ переть);
- не соглашаться, опровергать, оспаривать, быть противнаго или инаго мнѣнія, доказывать свое, прекословить. «Вѣкъ спорятъ, сами не зная о чемъ. О пустякахъ спорить, дѣло упустить. Споръ до слезъ, а обѣ закладъ не бейся. Спорить и прекословить не буду», пишутъ на довѣренностн. Спорить о чемъ, биться о закладъ, держать закладъ. «Мы много спаривали съ нимъ обѣ этомъ. Онъ вѣчно спорить, вздорить, строптивъ». «Съ Богомъ не спорить» (или: не поспорить). «Споръ во всемъ, кромѣ власти Божьей». «Посрамляетъ воля Божья споры человѣческіе». -ся, то же, спорить другъ съ другомъ. «Они всегда спорятся, или спорятъ другъ съ другомъ, взаимно». «Спорила вода съ огнемъ, кто кого пересилить». «Наша горница съ Богомъ не спорится (или: не спорница): на дворѣ тепло – и у насъ тепло; на дворѣ холодно – и у насъ холодно».

Синонимы лексемы «спорить» в словаре В.И. Даля:

- доспорить – спорить до конца, оканчивать споръ. «Доспорите завтра, пойдемъ»; выспорить закладъ, выиграть;
- заспоривать или запаривать; заспорить о чемъ, съ кѣмъ – начать спорить; стать опровергать, препираться, или стать тягаться, враждовать за собину, вздорить, браниться попусту;
- заспориться – длить споръ слишкомъ долго и безразсудно, заспорный, происходящій во время спора, заспорчивый, зачинщикъ въ спорахъ;
- перечить – дѣлать что кому поперекъ, назло, въ-помѣху, спорить, опровергать, утверждать противное: «Что ни скажи, онъ все только перечить». «Полно вамъ перечиться, спорить, перекоряться, ссориться за каждымъ словомъ»;
- противоречить (кому, чему) – спорить, опровергать, оспаривать, прекословить, перечить, говорить вопреки, утверждать противное: «Онъ охотникъ противоречить, только для спора»;
- противомудрствовать – спорить мудрствуя;
- прѣтиса, претиса – црк. спорить (прѣть и переть), состязаться, препираться: «Прѣхся со стратигами». Неем. «Прѣхся пастыріе герарстїи съ пастырми Исааковыми». Быт., прителный црк. сварливый, спорливый. Всякую мя родила еси мужа прителна! Іерем.;
- препирать – црк. препрѣти (не отъ прѣть, а отъ переть и прѣ, слѣдв. препрети), опровергать, оспаривать, одолѣвать въ спорѣ, въ борьбѣ или ратованїи словами, состязаться съ кѣмъ;
- препираться – состязаться взаимно или спороваться;
- пѣтушиться, горячиться, задориться – лѣзть въ споръ, въ драку, храбриться, задориться, также кичиться, чваниться, величаться;
- спорыхать – пск. безразсудно спорить, лишь для спору: споровать и -ся – спорить долго, усиленно, бороться, противиться чему, ратовать противу чего упорно, не уступая: «Тебѣ жъ непристойно до поту лица спороваться»;
- стязатися – црк. спорить, состязаться, препираться. «Стязашеся съ ними отъ Писанїй», Дѣян.;

- тягаться – юж. и прм. тяжиться, вести тяжбу, спорить и судиться за обиду, за имущество.

Фраземы с лексемой «спор» из словаря В.И. Даля:

- «Не говори противу, не спорь»;
- «Спорь дороже денегъ»;
- «Спорь себя дороже»;
- «За споромъ дѣло стало»;
- «Не ради дѣла, а ради спора»;
- «У нихъ вѣчные споры да перекоры, нелады, ссора»;
- «Спорь сердца и думки, разладъ ума и воли»;
- «Спорщики схватились, сцѣпились, горячо спорять»;
- «Спорь о словахъ – пустой»;
- «Спорь на да и нѣтъ – голословный, бездоказательный»;
- «Проговоръ не спорь, промолвка, обмолвка, ошибка»;
- «Этотъ заводитъ съ ними споръ краснбайствомъ»;
- «Нравное дѣло не спорь, о вкусахъ не спорять»;
- «Не молотомъ, а обухомъ; пустой спорь»;
- «Развести споръ миролюбно, разсудить, согласить и помирить спорящихъ»;
- «Спорь разгарається, страсти разгорѣлись»;
- «Спорь нашъ неправо разрѣшили»;
- «Слова нѣтъ, такъ и спору нѣтъ»;
- «Международный спорь, ссора»;
- «Договоръ (уговоръ) лучше (дороже) денегъ, выйдетъ споръ, и деньги пропадутъ»;
- «Доспорили до бѣла свѣта, до ссоры и пр»;
- «Спорь до слезъ, а объ закладъ не бейся»;
- «О чемъ спорь? Старикъ со старухой на зиму печку дѣлать!»;
- «Какъ заспорить, такъ чушь и загородить»;
- «Наспорили, нашумѣли, а дѣло ни съ мѣста»;
- «Оспаривай толкомъ, а не крикомъ»;
- «Поспорить? я не прочь!»;
- «Ошибка въ словѣ не спорь»;
- «Спорь умственной и нравственной стихій»;
- «Кто кого переспорилъ? Преспорили до бѣла свѣта».

Лексема «спор» в «Словаре языка А.С. Пушкина»:

1) Словесное состязание, в котором каждая из сторон отстаивает свою точку зрения на что-н. (52). Имел он счастливый талант без принужденья в разговоре коснуться до всего слегка. С ученым видом знатока хранить молчанье в важном споре ЕО I 5.12. Меж ими всё рождало споры и к размышлению влекло: племен минувших договоры, плоды наук, добро и зло ЕО II 16.1. От роду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя все возможных охотничьих споров. Д 164.2. || Взаимное пререкание, препирательство. Бранились долго; наконец уловку выдумал хитрец, притих и будто бы смягчился. «Оставим бесполезный спор, - Сказал мне важно Черномор: - Мы тем союз наш обесславим». Рассудок в мире жить велит. РЛ III 427. Из них Езерский Варлаам Гордыней славился боярской, за спор то с тем он, то с другим. С большим бесчестьем выводим бывал из-за трапезы царской СЗ 266.38. Люблю базарное волненье, скуфыи жидов, усы болгар и спор и крик, и торга жар, нарядов пестрое стесненье. С2 186.8. Перен.

а) Ко звуку звук нейдет... Теряю все права над рифмой, нам моей прислужницею странной: Стих вяло тянется, холодный и туманный. Усталый, с лирою я прекращаю спор СЗ 126.23; б) О противоборстве, борьбе, военном столкновении. Уже давно между собою враждуют эти племена, не раз клонилась под грозою. То их, то наша сторона. Кто устоит

в неравном споре: Кичливый лях, иль верный росс? Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос. СЗ 190.11. Мазепа. Готово всё: в переговорах. Со мною оба короля, и скоро в смутах, в бранных спорах, быть может, трон воздвигну я. П II 72. Но хладно сердца своего Он заглушает ропот сонный. Он говорит: «В неравный спор зачем вступает сей безумец? Он сам, надменный вольнодумец, сам точит на себя топор». П I 452. Опять увенчаны мы славой, опять кичливый враг сражен. Решен в Арзруме спор кровавый, в Эдырне мир провозглашен. СЗ 114.3.

2.) Взаимное притязание на обладание чем-н. (каким-н. имуществом) [про что] (1). Так! равнодушное забвенье за гробом ожидает нас. Врагов, друзей, любовниц глас вдруг молкнет. Про одно именье наследников сердитый хор заводит непристойный спор. ЕО VII 11.14. () В соч. (4). спору нет (бесспорно, несомненно): Что же зеркальце в ответ? «Ты прекрасна, спору нет; но царевна всех милее, всех румяней и белее». МЦ 76.

В Словаре В.И. Даля лексема «рождать» сочетается со следующими именами:

- раждать или рожать, родить, раживать что, кого, о животн. размножаясь, плодясь, производить себѣ подобных; рожденье дѣтей, относится къ обоимъ поламъ, къ родителямъ;
- раждать – творить, давать бытіе, сотворять, созидать, создавать, производить, «Одинъ Богъ творить», «Древо доброе плоды добры творить», Мте;
- раждать – вор. возбуждать особое чувство раздраженья въ тѣлѣ, въ кожѣ, касаясь ея или перебирая пальцами: «щекотать или щекотить кого, щекотнуть, лоскотать, юж. (щекочу) щелоктать».

Синонимы лексемы «рождать» в словаре В.И. Даля:

- рождать и воспитывать – вращивать, вращать или возвращать;
- взрастить или возрастить кого, что, пещись о возвращеніи, о насыщеніи и прочихъ потребностяхъ молодаго, невзрослаго существа;
- вспоить и вскармливать, воспитывать и поучать;
- расплужать, плодить и питать, поселять въ комъ нравственныя качества, развивать и укрѣплять ихъ;
- рождать – возбуждать, пробуждать и пробуживать или поощрять чувства, наклонности: «Чѣмъ бы пробудить въ немъ охоту къ чтенію?»;
- производить, причинять, раждать, какъ причина родить послѣдствіе.

Лексема «рождать» в фраземах из словаря В.И. Даля:

- «Слонъ слона раждаетъ (или родить, по(на)раждаетъ) комаръ комара»;
- «Корысть раждаетъ зависть»;
- «Деньга умъ родить»;
- «Рожаютъ, такъ не думаютъ. Бѣда бѣду родить. Всякое зелье въ себя родить»;
- «Изъ роду въ родъ – тотъ же уродъ»;
- «Въ себя родиль, каковъ самъ»;
- «Рожденья ехиднова»;
- «Неправда-та прежде насъ родилась». «Обычаи родятся, происходятъ». «Дураковъ не орутъ, не сѣютъ – сами родятся!»;
- «А почто ты меня родила, коли я не просилъ?».

Лексема «рождать» в «Словаре языка А.С. Пушкина»:

- рождать (раждать) (10). 1. Несов. к родить в 1 знач. (1). Перен. Лаура. - Я вольно предавалась вдохновенью. Слова лились как будто их рождала не память рабская, но сердце.... КГ II 8. 2. Несов. к родить во 2 знач. (9). Меж ими всё рождало споры и к размышлению влекло: племен минувших договоры, плоды наук, добро и зло ЕО II 16.1. Ее улыбка, разговоры во мне любви рождают жар. РЛ V 14. Здесь каждый шаг в душе рождает воспоминанья прежних лет.

В словаре В.И. Даля лексема «истина» выступает синонимом к следующим существительным:

- истина – быть, бытіе, былъ, дѣя, фактъ, событіе, невымыселъ;
- истина – вѣрность, свойство вѣрнаго, полная преданность, правдивость, твердость въ словѣ, стойкость въ дѣлѣ; надежность, точность, исправность, достовѣрность, правдивость;
- истина – правомудріе, правомудрость, истинная, божественная мудрость, прѣвл. «суемудріе или лжемудріе». «Самое просвѣщеніе даже можетъ быть извращено на зло»;
- самоистина ж. – истина очевидная, безспорная, видимая, не требующая доказательствъ;
- непререкаемая, непреречимая, безспорная, неоспоримая, неопровержимая;
- истина, явная, безспорная; аксіома [от др.-греч. ἀξίωμα «утверждение, положение», от ἀξιόω – считаю достойным, настаиваю, требую].

В Словаре В.И. Даля лексема «истина» сочетается с именами и глаголами в следующих фраземах:

Въ Евангл. нпр. «Въ началѣ бѣ Слово» ипр. толкуется: Сынъ Божій, истина, премудрость и сила. «И Слово плоть бысть», истина воплотилась; она же и свѣтъ, слово, обѣтъ, обѣщанье, скрѣпленье истины, ручательство. «Богъ есть самая истина и самое добро, или сама истина, само благо». «Отецъ свѣтовъ, всѣхъ міровъ, Богъ. Сыны свѣта, чада свѣта, озаренные истиною». «Свѣтоносный ангелъ – облако, – ученіе или – истина». «Истина, или правое ученье, наука, просвѣщенье. Свѣтъ вѣры – истины, Евангеліе. Свѣтъ разума, ученье или наука». «Любовь и истина образуютъ двоицу премудрости. Двоица ж. то же, чета, пара, бол. въ понятіяхъ высокихъ». «Истина и добро не раздѣльны». «Истина на дѣлѣ, истина во образѣ, во благѣ правосудіе, справедливость». «Полное согласіе слова и дѣла, истина, прѣвл. Ложь». «Источникъ свѣта и тепла: истина и благо, источникъ тьмы и стужи: ложь и зло». «Истина и добро вдохновители мои». Псалм. «Милость и истина срѣтостѣся», Псал. «Истина отъ земли возсія, и правда съ небесе приниче». «Праведно говорить, правдиво, по всей правдѣ, истинѣ». «Умствено просвѣщаетъ, учить истинамъ». «На свѣтѣ жить, не свѣтомъ жить, не по истинѣ, а помірскому». «О истинѣ погрѣшиша и самомнѣніемъ погибоша».

Лексема «истина» в «Словаре языка А.С. Пушкина»:

Истина (истинна) (117). 1. Подлинное знание действительности; нечто истинное, соответствующее действительности, правда [только ед. ч.] (63). Издавна мудрые искали забытых истинны следов и долго, долго толковали давнишни толки стариков. С1 66.2. Я здесь, от суетных оков освобожденный, учуся в истине блаженство находить С2 56.22. Бертольд. Золота мне не нужно, я ищу одной истины. Мартын. А мне чорт ли в истине, мне нужно золото. РВ 217.5,6. Я говорил пред хладною толпой языком истины [свободной], но для толпы ничтожной и глухой смешон глас сердца благородный. С2 175.42. Хемницер истинну с улыбкой говорил. Наперсник Душеньки двусмысленно шутил, Киприду иногда являл без покрывала - и никому из них цензура не мешала. С2 176.93. Анджело. - И знай, что твоего я не боюсь извета. Что хочешь говори, не пошатнуся я. Всю истину твою низвергнет ложь моя. А П 112. || Правильность, верность, правдивость [чего]. Испытал я сам собою Истину сих правых слов. С1 14.12. Сначала сомневались в истине сих показаний - приверженность разбойников к атаману была известна. Д 223.30. Между большим числом ваших успехов замечательны Bertrand et Raton, сколько по новости предмета, столько и по истине подробностей. Ж2 63.8. | Верность, правдивость в изображении, воспроизведении чего-н. [чего]. Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от др.<аматического> писателя. Ж1 178.21. Но уже с первых стихов поэт обнаруживает самобытный талант: - Тут есть гармония, лирическое движение, истина чувств! Ж2 83.38. Одна из них, Женитьба по расчету (Le mariage d'argent), есть настоящая комедия в пяти актах, без куплетов, без сотрудников, поддерживаемая драматическою целостью, единством характеров, истиною разговора, силою оставляемого ею в душе впечатления. Ж2 62.45. 2. То, что существует в действительности; истинное происшествие, событие, факт (33). Читая поэму, роман, мы часто можем забыться и полагать, что описываемое происшествие не есть

вымысел, но истина. Ж1 177.14. Мертвая старуха сидела, окаменев; лицо ее выражало глубокое спокойствие. Германн остановился перед нею, долго смотрел на нее, как бы желая удостовериться в ужасной истине, ПД 245.31. Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. МВ Предисл. 2. Шатобриан и Купер оба представили нам индийцев с их поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображения. Ж2 105.5. Поэт. Да будет проклят правды свет, когда посредственности холодной, завистливой, к соблазну жадной, он угождает праздно! - Нет! Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман... С3 180.64. 3. Положение, суждение, основанное на житейском опыте (21). Книгопродавец. Прекрасно. Вот же вам совет, внемлите истине полезной: наш век - торгаш; в сей век железный без денег и свободы нет. С2 219.168. Перед хозяйкой легкий вздор сверкал без глупого жеманства, и прерывал его меж тем разумный толк без пошлых тем, без вечных истин, без педантизма ЕО VIII 23.12. многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом.

Далее, с ориентиром на эти аналоговые данные были задействованы следующие инструменты компьютерной лингвистики, помогающие изучать частотности, коллокации (сочетаемости слов) и контексты ФЕ: корпусный анализ, NLP-модели и векторные направления (Word2Vec; BERT), позволяющие находить синонимы и антонимы входящих в фразему лексем, сравнивать семантическую схожесть и синтаксическую сочетаемость любых языковых единиц, группируя их по темам и определяя их косинусную близость (чем ближе значение к 1, тем более «похожи» объекты; чем ближе к 0, тем менее они связаны).

Например, корпусный анализ НКРЯ совместно с GBNV показал, что употребления фразы «в споре рождается истина» в 60% случаев относятся к публицистике и медиа, тогда как анализ тональности (Sentiment analysis) в NLP-модели обнаружил, что входящая в фразему лексема «спор», в частности, в словарях Даля и Пушкина, в 82% случаев употребляется в негативном или деструктивном контексте. Выявляющая семантические связи трансформерная модель (BERT) продемонстрировала, что лексема «спор» здесь ассоциируется с «конфликтом», «ссорой», «бранью» и т.п., а лексема «истина» с «бесспорностью», «непререкаемостью», «неопровержимостью» и т.п., обнаружив таким образом принципиальную несочетаемость семантических полей составляющих фразему лексем. При этом векторный анализ (Word2Vec) позволил определить, что вектор «спора» близок к «ссоре» (косинусная близость ≈ 0.78), а «истины» – к бесспорному факту (≈ 0.85), что также подтвердило практически непересекаемость семантических полей, поскольку, бесспорно, истина спору параллельна.

Из инструментов когнитивной лингвистики был задействован фреймовый анализ, позволивший выявить два ключевых фрейма активируемых фраземой: фрейм «Конфликт» (спор как деструктивное взаимодействие) и фрейм «Познание» (истина как результат конструктивного интеллектуального процесса). Декомпозиция фрейма «Конфликт» в аспекте «участники-действия-результат» обозначила участников как «оппонентов», цель которых заключается в достижении победы, а не истины; тогда как действия – в аргументации как «атаке» или «защите», не исключающих риторических уловок, в результате чего на фоне эмоционального напряжения выявляется победитель и проигравший, а не осуществляется интеллектуальный прогресс. Прим.: в бытовом споре о политике участники редко меняют мнение, но только усиливают конфронтацию.

Декомпозиция фрейма «Познание» в аспекте «участники-действия-результат» обозначила участников как «исследователей» и «сотрудничающие стороны», цель которых – обнаружение общими усилиями объективной истины, а не победа в дебатах, тогда как действия заключаются в сборе и верификации фактов, их критическом анализе, в результате чего осуществляется приближение к истине через устранение ошибок. Прим.: научная дискуссия, где гипотезы проверяются экспериментально.

В сопоставлении фреймов выяснилось, что фразема «в споре рождается истина» объединяет два несочетаемых фрейма: цель «Конфликта» – победа, требующая подавления оппонента, в результате чего истина становится «трофеем»; цель «Познания» – истина,

требующая критической рефлексии и кооперации. Таким образом был обнаружен когнитивный диссонанс, возникающий на почве реализуемого с помощью метафоры «рождается» «совмещения несовместимого»: лингвистически фраза внушает, что «спор рождает истину», тогда как в реальности фрейм «Конфликт» блокирует процессы, необходимые для «Познания».

Так сопоставительный фреймовый анализ показал, что ФЕ «ВСРИ» основана на некорректном и произвольном объединении конфликтных и познавательных схем, в связи с чем конфликтный фрейм способен провоцировать агрессивную и деструктивную коммуникацию, маскируемую с помощью метафоры «рождается» под необходимые для познавательного фрейма конструктивные рациональные процедуры, в результате чего в сознании закрепляются деструктивные когнитивные паттерны, или свёрнутые концептуальные ядра [22]. Механизм деструктивной манипуляции этой, метафорически говоря, ядерной языковой мины заключается в том, что с помощью глагола «рождается» активируется конструктивный метафорический фрейм «создание жизни», придающий процессу сакральность, переносящий свойства биологического (соматического) процесса на абстрактное понятие истины и представляющий её как живой организм, возникающий спонтанно как интеллектуальное извержение.

Таким образом, с помощью соматической метафоры не только вуалируется отсутствие верификационного этапа (ведь «рождённая» истина не требует доказательств), но и осуществляется подмена ролей участников в фреймах: если в фрейме «конфликт» агенты – противники, или ратники, то в фрейме «познание» агенты – партнеры, или соратники. Пример подмены: собеседник, с которым вы спорите, воспринимается не как партнёр в поиске истины, а как враг, которого нужно победить. Компьютерно-когнитивный анализ семантических полей лексем, задействованных в исследуемой фразе, дал следующие результаты.

Семантические поля лексемы «истина» в фразе. Лексема «спор» в данной фразе активирует несколько семантических полей, которые формируют её двойственный смысл. Эти поля отражают как позитивные (диалог, познание), так и негативные (конфликт, манипуляция) ассоциации, что выявляет софистический характер ФЕ.

В семантическом поле «Конфликт и противостояние» выделяются следующие ключевые концепты: борьба мнений, столкновение позиций; эмоциональное напряжение, агрессия, поляризация, цель – победа, а не поиск истины. Примеры связей: «спор» → «ссора», «конфликт», «противостояние», «дебаты»; глаголы: «нападать», «защищаться», «опровергать», «доминировать». Пример контекста фраземы: спор представлен как «поле боя», где истина становится трофеем победителя, а не объективным результатом. Коллокации из корпусов (НКРЯ): «жаркий спор», «разгорелся спор», «избегать спора» – акцент на негативных эмоциях и уклонении от конфликта.

В семантическом поле «Процесс и динамика» выделяются следующие ключевые концепты: движение, развитие, изменение; эволюция идей через столкновение мнений. Примеры связей: «спор» → «процесс», «развитие», «движение», «трансформация». Контекст фразы: акцент на глаголе «рождается» создаёт образ спора как «инкубатора» истины, где конфликт – необходимое условие для её появления. Проблема: процессуальность спора не гарантирует истинности результата – он может породить софизмы или логические уловки и ловушки.

В семантическом поле «Софистика и манипуляция» выделяются следующие ключевые концепты: использование уловок, логических ловушек, двусмысленности, эмоций; истина как продукт убедительности и усердия, а не фактов. Примеры связей: «спор» → «эристика», «софизм», «уловка», «манипуляция»; глаголы: «обманывать», «убеждать», «запутывать». Контекст фразы: фраза косвенно оправдывает софистику, так как акцентирует сам факт спора, как технику диалога, направленную не на достижение истины, а на риторическую победу. Пример из корпуса (НКРЯ): в публицистике фраза часто сопровождается оправданием агрессивной риторики – «Да, мы спорили жёстко, но ведь истина рождается в споре». Именно это противоречие делает фразу софизмом – она эксплуатирует позитивные

коннотации («познание», «эвристика»), чтобы оправдать негативные практики («конфликт», «эристика»). Это значит, что для декодирования ФЕ необходимо чётко разделять семантические поля, в частности, подчёркивая разницу между конструктивной эвристикой и деструктивной эристикой.

В семантическом поле «Культурные и исторические коннотации» выделяются следующие ключевые концепты: античная традиция (эристическая полемика vs. эвристическая майевтика); современные медийные практики (токсичные дебаты, кликбейт). Примеры связей: «спор» → «эристический диалог», «теледебаты», «троллинг», «хайпотаж». Контекст фразы: исторически фраза отсылает к диалектике Сократа, но в массовой культуре её смысл сместился к маскировке эристики и софистики.

Таким образом, компьютерное исследование обнаруживает противоречивость ФЕ, поскольку она объединяет несовместимые семантические поля: эристическое (метод победы любой ценой) и эвристическое (метод поиска истины). Пример: в политических дебатах «спор» формально относится к полю «коммуникация», но, по сути, становится инструментом манипуляции (поле «софистика»).

Коллокационно-эмоциональный анализ (НКРЯ) продемонстрировал, что лексема «спор» чаще сочетается с лексемами негативной окраски: «бесполезный», «пустой», «скандальный» (82% случаев); только в 18% употреблений связаны с нейтральными или позитивными контекстами («конструктивный спор», «философский спор»). Ассоциативный эксперимент показал, что 73% респондентов связывают слово «спор» с конфликтом, а не с диалогом.

Семантические поля лексемы «истина» в фраземе

В исследуемой фраземе слово «истина» активирует несколько пересекающихся семантических полей, которые формируют её восприятие. В семантическом поле «Познание и знание» выделяются следующие ключевые концепты: истина как объективное знание (факт, доказательство, реальность); как процесс познания (поиск, исследование, анализ), как инструменты познания (диалектика, логика, эксперимент). Примеры связей: «истина» → «тезис», «антитезис», «мнение», «знание», «объективность»; «рождается» → «обнаруживается», «раскрывается», «устанавливается». Контекст фразы: истина представлена как конечная цель, но механизм её достижения (спор или эристический диалог) противоречит требованиям рационального познания (кооперация, проверка).

В семантическом поле «Конфликт и противостояние» выделяются следующие ключевые концепты: спор как борьба (победа/поражение, атака/защита); эмоциональные аспекты (агрессия, напряжение, поляризация); риторические уловки (манипуляция, софизмы). Примеры связей: «спор» → «конфликт», «ссора», «дебаты», «противостояние», «рождается» → «возникает», «происходит», «появляется в результате борьбы». Контекст фразы: истина «рождается» не через сотрудничество, а через столкновение мнений, что ассоциирует её с победой одной из сторон, а не с объективным результатом.

В семантическом поле «Софистика и манипуляция» выделяются следующие ключевые концепты: подмена понятий (истина как мнение большинства или сильнейшего); релятивизм («истина у каждого своя»); риторика не как познавательный инструмент диалектики, а как софистический инструмент власти (убеждение любой ценой). Примеры связей: «спор» → «эристика», «софизм», «уловка»; истина → «правдоподобие», «убедительность», «победа в дискуссии». Контекст фраземы косвенно оправдывает софистику, где истина – не объективная реальность, а результат убедительности аргументов.

В семантическом поле «Культура и коммуникация» выделяются следующие ключевые концепты: социальная норма (спор как часть дискурса); коммуникативные практики (диалог, монолог, переговоры); ценности (стремление к истине = стремление к консенсу). Примеры связей: «спор» → «дискуссия», «обмен мнениями», «полемика»; «истина» → «согласие», «понимание», «консент». Контекст фразы: в современных медиа фраза часто используется для оправдания токсичных дискуссий, где истина подменяется борьбой за внимание. В сопоставительном анализе обнаруживаются противоречия между

исследуемыми полями: познание истины требует объективности и кооперации, спор провоцирует субъективность и конкуренцию. Пример: в научной среде истина устанавливается через воспроизводимость экспериментов (поле «Познание»), а не через спор (поле «Конфликт»).

Коллокационный анализ (НКРЯ) продемонстрировал, что лексема «истина» чаще сочетается с именами: «истина» → «бесспорная», «последняя», «скрытая» (акцент на её предустановленности и труднодоступности); а также – с глаголами познания («раскрывать», «анализировать», «обнаруживать», «устанавливать»), а не с глаголами действия («доказывать», «отстаивать»).

Семантические поля лексемы «рождается» в ФЕ «ВСРИ»

Глагол «рождается» задействует здесь каскад метафорических семантических полей, формирующих восприятие истины как динамического, почти «живого» результата спора. Его метафорическое использование создаёт иллюзию органичности и неизбежности процесса, маскируя деструктивный характер диалога, лежащий в основании спора.

В семантическом поле «Биология и жизненный цикл» выделяются следующие ключевые концепты: жизнь, развитие, этапы (зарождение → рождение → рост); соматическая метафора: истина как живой организм. Примеры связей: «рождается» → «эмбрион», «рост», «эволюция», «развитие»; ассоциации: «истина вызревает», «спор – инкубатор для истины». Контекст фразы: соматическая метафора «рождения» придаёт истине черты естественного явления, которое невозможно контролировать, что маскирует роль субъективных факторов (манипуляции) в споре.

В семантическом поле «Конфликт и преодоление» выделяются следующие ключевые концепты: рождение через борьбу (архетип «победы над хаосом»); истина как «дитя» эристического диалога. Примеры связей: «рождается» → «прорывается», «преодолевают», «побеждает»; мифологические параллели: змееборческий мотив основного космогонического мифа или изрождение Паллады из головы Зевса вследствие удара топором Гефеста (истина как результат «интеллектуального извержения»?); Контекст фразы: акцент на «рождении» оправдывает конфликт или когнитивное насилие как необходимое условие, однако в реальности спор, сопровождаемый неоправданным энергетическими затратами, чаще разрушает, чем создаёт.

В семантическом поле «Трансформация и изменение» выделяются следующие ключевые концепты: переход из одного состояния в другое (хаос → порядок, незнание → знание); истина как итог метафорической метаморфозы. Примеры связей: «рождается» → «превращается», «трансформируется», «эволюционирует». Контекст: «Истина рождается из столкновения идей». Контекст фразы: глагол подразумевает, что спор – это «коллайдер» (от лат. *collisio* «столкновение», из *collidere* «ударять друг о друга», далее из *cum* [co-, com-, con-] «с, вместе» + *laedere* «повреждать», «наносить ущерб»), где истина возникает из взрыва от столкновения ядерных аргументов. На деле же споры лишь закрепляют предубеждения.

Коллокационный анализ (НКРЯ) продемонстрировал, что в контексте спора лексема «рождается» в 80% случаев сочетается с лексемами, подчёркивающими стихийность: «неожиданно», «спонтанно», «вопреки». Ассоциативный эксперимент показал, что 65% респондентов связали «рождается» с «чудом» или «наудачу», а не с планомерным поиском.

В сопоставительном анализе этих семантических полей обнаруживаются, что использование метафоры «рождается» в ФЕ «ВСРИ» выполняет как минимум три манипулятивные функции: натурализация конфликта, поскольку спор подаётся как естественный и необходимый акт, как и роды; сокрытие агента, ведь неясно, кто «рождает» истину – участники спора или сам конфликт, что размывает ответственность вуалирует манипуляцию; легитимация процесса, потому что даже деструктивный спор может быть оправдан, если в нём «родилась» истина. Пример: в политике фраза используется для оправдания токсичных дебатов: «Да, мы кричали друг на друга, но истина рождается в споре!».

Таким образом, семантические поля лексемы «рождается» в контексте фраземы работают на баснословие и создание вторичного мифа [36], в котором «истина» представлена не как объективная данность, а как продукт конфликта, возникающий «естественно», тогда как «спор», несмотря на свою деструктивную природу, выступает как ритуальный акт, якобы необходимый для её «рождения». Эта амбивалентность делает фразу мощным софистическим инструментом, который под видом призыва к поиску знаний оправдывает деструктивные коммуникативные практики. Эта паремия, выражающая в одной ФЕ, образно говоря, свёрнутую в концептуальное ядро теорию деления атома, особо опасна тем, что, паразитируя на интуитивном человеческом желании искать истину, подменит её – в теории ритуальным, а на практике натуральным – конфликтом (от лат. *conflictus* «столкновение, удар, борьба», от гл. *confligere* «сталкиваться, бороться»; далее из *con-* «с, вместе» + *fligere* «сталкивать, ударять»). Для ИИ же она – слепое пятно, поскольку его алгоритмы не способны пока на исчерпывающую философскую рефлексию, что следует отметить особо.

Итак, как показало применение алгоритмов ИИ в декодировании ФЕ «ВСРИ», нейросети, обученные на современных языковых корпусах, не распознают античный подтекст фраземы («диалектика vs. эристика»), воспринимая её в виду «культурно-исторической слепоты» как нейтральную максиму. Например: ChatGPT интерпретирует фразу как призыв к дискуссии, совершенно игнорируя софистический подтекст. Это связано с контекстной ограниченностью ИИ поскольку статические модели (Word2Vec) присваивают фразе усреднённый вектор, не учитывая при этом, что в 82% случаев (по данным НКРЯ) она встречается в конфликтных контекстах; а также – с «метафорической наивностью» – ведь NLP-алгоритмы не различают буквальное и метафорическое значение «рождения», что ведёт к ошибкам в интерпретации и способствует репликация предубеждений. Например, эта фразема встречается в датасетах LLM (в частности, в Common Crawl) в контекстах, оправдывающих агрессивную коммуникацию, в то время как ИИ усваивает эту связь как нормативную. Как показал эксперимент: GPT-3 в 67% случаев предлагает «активно спорить» как метод решения конфликтов.

Таким образом, токсичная продуктивность, расположенной в «слепых пятнах» датасетов «ядерной языковой мины», работает в двух направлениях: во-первых, легитимирует для людей деструктивные споры; во-вторых, генерирует в киберлингвистике токсичный контент, маскируя его под мудрость («Вы должны спорить, ведь истина рождается в конфликте!»). Будучи включёнными в обучающие данные, ФЕ такого рода вызывают эффект заражения и создают каскадные, как при делении ядер, искажения: ИИ начинает использовать их в рекомендательных системах, образовательных материалах, медиа и т.п.

В качестве путей решения этой проблемы можно предложить контекстную аннотацию датасетов для разметки подобных фразем метаданными: исторический контекст (например, «софистическое происхождение») и эмоциональная окраска (по шкале от «кооперация» до «конфликт»), создав таким образом на основе когнитивной лингвистики эффективные фильтры для киберлингвистики. В качестве примера интеграции фреймового анализа в NLP-модели можно привести следующий алгоритм:

- выделить ключевые слова («спор», «истина»);
- определить доминирующий фрейм («Конфликт» / «Познание»);
- присвоить коэффициент токсичности (то же самое, хотя бы умозрительно, нужно сделать и для словарей).

Кроме того, выглядит целесообразной замена фразы на нейтрализующие («истина параллельна спору») или этически нейтральные, по сути – высоко-классические, аналоги («истина бытует в консенте»).

Таким образом, это исследование вскрывает попутно и одну из насущных и ключевых проблем компьютерной лингвистики: технологии, не обладающие критическим мышлением, рискуют стать рупорами софизмов, переодетых в одежды древней мудрости.

Выводы

Простой грамматический анализ составляющих фразему лексем выявляет их несочетаемость уже с точки зрения истории философии, поскольку спор представляет собой эристический диалог, обосновывающий софистику, для которой выяснение истины не входит в целеполагание, а не диалектику в её высоко-классическом понимании, в обосновании которой лежит эвристика. В классической диалектике стремление к познанию истины порождается удивлением и сочетается с майевтикой, посредством которой, надо уточнить, в повивальном диалоге вместе с удивлением лишь открываются врата к познанию предустановленной благом истины, а не сама она рождается. Другим аргументом в пользу рассмотрения паремии как софизма послужило то обстоятельство, что по крайней мере одна из лексем фраземы выступает в роли метафоры, что уже одним только этим фактом намекает на возможность софистической уловки в виде «сочетания несочетаемого», и это прежде всего касается соматической метафоры «рождается».

Таким образом, уже только предварительный грамматический подход к изучению фраземы (как это предполагается и объясняется первенством грамматики в тривиуме с логикой и риторикой) обнаруживает несочетаемость лексемы «спор» ни с лексемой «рождается» (исконно и законно сочетающейся с майевтикой или с эвристическим диалогом); ни с лексемой «истина», поскольку является инструментом софистики, у адептов которой содержание истины не вызывает ни душевного трепета, ни даже любопытства. Это значит, что исследуемая фразема – это ни больше ни меньше как вульгарный оксюморон (*oxymoron vulgaris*) или неформально-логическая ловушка. Используя же античную лексику, ФЕ «ВСРИ» можно назвать, метафорически говоря, орудием логомахии, служащим апологетике законов диалектической логики, а заодно и неформальной.

В результате компьютерно-лингвистического анализа корпусных данных НКРЯ совместно с использованием инструментов поискового сервиса GBNV (на русском языке) удалось установить (с учетом погрешности), что в отечественной литературе ФЕ «ВСРИ» появляется в источниках не раньше 20-х, а активное распространение получает, начиная лишь с 50-60-х годов XX в., проникнув в тот период практически во все журналы советского мейнстрима: («Новый мир», «Вестник Академии наук СССР», «Знание – сила», «Наука и жизнь», «Советская печать», «Советская библиография», «Политическое самообразование», «Народное образование», «Молодая гвардия», «Детская и юношеская литература», «Научно-технические общества СССР», «Вольное казачество», «Проблемы востоковедения», «Искусство», «Советская музыка», «Огонёк», «Октябрь», «Природа», «Волга», «Дон» и др.).

Технологии компьютерной лингвистики, задействованные в исследованиях текстов вообще и в частности – золотого XIX века – из словарей живого русского языка В.И. Даля и литературного русского языка А.С. Пушкина, установили не только доминирующую конфликтную синонимию лексемы «спор», но и её преобладающую связь в корпусах с деструктивными контекстами, что также красноречиво свидетельствует о семантической несочетаемости лексем «спор» и «истина», «спор» и «рождается». Это надо особо отметить, поскольку в национально-культурном контексте эта «несочетаемость» означает неспособность создать «плодородную чету», не говоря уже не только о «рождении», но и даже о «зачатии» чего-либо. Метафорически говоря, эту фразему можно интерпретировать только как насилие или надругательство спора над истиной, другими словами – в споре истина насилуется (причем, иронически говоря, в извращенной софистикой форме, поэтому ничего и не может «родиться»). Это несоответствие фраземы ни национальному, ни культурному (христианско-монотеистическому) языковому сознанию, а также отсутствие её однозначных эквивалентов как в греческом и латыни (в отличие, например, от крылатой фразы «истина в вине» от *In vino veritas, in aqua sanitas*), так и в других европейских языках (ведь фразы как Цицерона: *Dubitando ad veritatem pervenimus* / Сомнения приводят к истине, так и Дэвида Юма: *Truth springs from argument amongst friends* / Истина исходит из дружеских аргументов – это далеко не то же самое), наводит на мысль о её не столько инородном, сколько синтетическом происхождении – и антинациональном, и антихристианском (атеистическом) по сути.

На фоне же синхронического социально-политического контекста, проявившегося в победоносном шествии «материалистической диалектики», можно предположить, что либо это результат спонтанного синхронического самоизвержения, либо рациональный вброс её пропагандистов – в связи с «поворотом на философском фронте» и «коренным переломом» в атеистическом воспитании, а также в соответствии с планами по «пропитыванию естественнонаучного и общественного курсов элементами антирелигиозной пропаганды» [76] (как это было подробно описано в статье с говорящим за себе названием: «Ударить кого следует, чтоб делу не мешали») [74].

Сопоставительное исследование позволило не только показать, как это выражение, впервые нарисовавшееся в русскоязычных текстах лишь в виде ироничного на него намека (в письмах Салтыкова-Щедрина, содержащих «много интересного и поучительного» и представляющих собой, по мнению воинствующих материалистов, «колоссальную культурную ценность» и «неисчерпаемое богатство», которое «надо изучать и пропагандировать», чтоб ярче сверкали «драгоценные алмазы его творчества, освещающие закоулки нашей жизни» [52]), обрело с лёгкой руки воображаемого сообщества «советских чумоведов» статус паремии, но и выявить другие примеры метафорического «соединения несоединимого» или «сочетания несочетаемого».

Более того, на основании сходства в структуре, происхождении, экспрессивной и стилистической окраске и т.п. удалось выделить специфический подвид ФЕ, к которому можно причислить такие обладающие конструдно-деструдным семантическим ядром соматические фраземы, как «Бьёт – значит, любит» или «Добро должно быть с кулаками», также появившиеся в отечественных текстах лишь к середине XX века. Однако, расследование этого «Дела чумоведов», равно и подробное изучение и анализ других подвидов «опасных» фразеологизмов, как и их маркировка в датасетах, не входит в задачи этой статьи и представляется пока предметом отдельных перспективных исследований.

Итак, в результате компьютерно-лингвистического анализа корпусных данных удалось установить, что ФЕ «ВСРИ» чаще употребляется в конфликтных контекстах (политика, медиа), а не в научных дискуссиях. Осуществленный в статье NLP-анализ векторных моделей (Word2Vec, BERT) также выявил ассоциацию «спора» с конфликтом, а «истины» – с бесспорным знанием. Коллокационный анализ помог определить: с какими глаголами по языковым законам сочетается имя «спор», а с какими – имя «истина», а также – с какими именами сочетается глагол «рождается», при этом анализ тональности выявил, что 65% контекстов ФЕ «ВСРИ» имеют негативную окраску.

Когнитивно-лингвистический анализ способствовал обнаружению в составе ФЕ концептуальной метафоры, а также определению сопутствующих ей фреймов и сценарных установок, в результате чего выяснилось, что использование соматической метафоры, представляющей собой древнейшую технику семантического кодирования, способствовало искусственному «состариванию» новодельной фраземы, а также её последующему «стиранию» и превращению в сочинениях отечественных академиков в «афоризм» и «известную ещё с античности поговорку»; а вместе с тем и её проникновению в датасеты больших языковых моделей (LLM).

Исследование концептуальной соматической метафоры «рождается» выявило её роль в маскировке с помощью конструктивной по природе формы деструктивного по существу «концептуального ядра», свёрнутого и скрытого в фраземе, представляющей собой, метафорически говоря, типичный пример «языковой мины», более того – ядерной языковой мины, если не сказать – ядрёной мины или сущей «Кузькиной матери» [35].

Другим результатом когнитивно-лингвистического анализа стало определение семантических полей лексем, входящих в фразему, а также выявление несочетаемости между фреймами «Познание» (истина как цель) и «Конфликт» (спор как борьба), сопровождающейся подменой ролей участников (оппоненты vs. партнеры). Таким образом, когнитивные исследования помогли деконструировать деструктивное содержание паремии, а также раскрыть механизмы

манипуляции и способ «втирания» софистики в массовое сознание с помощью «стёртой» соматической метафоры.

В результате сочетания методов киберлингвистики и когнитивистики удалось распознать оказываемое «фраземой-иноагентом» на национальное сознание негативное социокультурное влияние, способствующее легитимации «токсичных дискуссий» и оправданию агрессивных дебатов в медиа и политике («Мы ругались, но в споре рождается истина»), а также – формированию мифа о «полезности конфликта» в менеджменте («Конфликты в команде полезны»), хотя исследования показывают, что агрессивные споры снижают когнитивную гибкость (см. работы Д. Канемана) [36].

В качестве рекомендации по практическому применению результатов статьи, а также интеграции её выводов в образовательные программы по развитию критического мышления и компьютерной лингвистики предлагается создание алгоритма для обнаружения «ядерных языковых мин» в «слепых местах» датасетов: технические системы должны учитывать не только статистические паттерны, но и культурно-когнитивные слои языка. При этом проверка датасетов на наличие «ядерных языковых мин» может быть представлена как новая задача для сообщества NLP, сопоставимая с выявлением и нейтрализацией токсичного контента, поскольку паремии-софизмы и им подобные требуют особой маркировки при обучении ИИ – как «заражённые» единицы, искажающие дискурс. В этой связи (в рамках лингвистической экспертизы) представляется также необходимым рассмотреть возможность законодательного запрета на использование в социальной коммуникации «ядерных языковых мин», хотя явно ни чьих чувств и не оскорбляющих, но наносящих национальному языковому сознанию ощутимый ущерб, который кажется гораздо большим, чем от подавляющего большинства современных иноязычных заимствований.

Комбинация компьютерно-когнитивных методов (NLP + когнитивная лингвистика) продемонстрировала эффективность междисциплинарного подхода, поскольку позволила обнаружить и показать, что паремия «в споре рождается истина» – не «афоризм» и не нейтральная «известная еще с античности поговорка», а самый настоящий вульгарный софизм (*sophisma vulgaris*), вносящий деструктивный элемент в коммуникационную культуру. Поэтому её деконструкция средствами компьютерной и когнитивной лингвистик – это теоретический шаг к преодолению манипулятивных паттернов в публичном дискурсе. В свою очередь, сочетание лингвистического анализа с актуальными проблемами ИИ показало, что декодирование паремий – не только академическая задача, но и условие создания безопасного искусственного интеллекта.

Литература

1. Абраменко В.И. Метафоры сознания в философском дискурсе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2015. – Вып. 2(22). – С. 25-30.
2. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии: Дис. д-ра филол. наук. – Л., 1961. – С.73.
3. Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 296-297.
4. Архангельский В.Л. О задачах, объектах и разделах русской фразеологии // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. – Тула. 1972. – С. 188.
5. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов-на-Дону, 1964. – С.121-137.
6. Балли Ш. Краткий очерк стилистики. – М.: Эдиториал УРСС, 1905. – С. 43, 57.
7. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Концептуальная модель значения идиомы // Когнитивные аспекты лексики: Немецкий язык: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991. – С. 3-13.
8. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. – М., 2017. – 496 с.
9. Болдырев Н.Н. Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром // Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII. Язык. Познание, культура: методология когнитивных исследований. – М., Тамбов, Челябинск, 2014. – С. 42-48.

10. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. – Л.: ЛГУ, 1946. – С. 56.; Виноградов В.В. Фразеологические единицы современного русского языка. – М.: Наука, 2001. – 376 с.
11. Вопросы международного права в теории и практике США: [сборник статей] / под ред. чл.-кор. АН СССР проф. Е.А. Коровина. – М.: Изд-во Института международных отношений, 1957. – 196 с.
12. Воспитательная работа в школьном коллективе // Сборник статей. Институт теории и истории педагогики (Академии педагогических наук РСФСР), 1958. – С. 229.
13. Впервые, согласно данным НКРЯ и GBNV, встречается в романе Н.А. Островского «Рожденные бурей» (1936), посвященном «становлению революционного самосознания трудящихся».
14. Впервые, согласно данным НКРЯ и GBNV, встречается в стихотворении С.Ю. Куняева (1959): «Добро должно быть с кулаками, добро суровым быть должно, / Чтобы летела шерсть клоками со всех, кто лезет на добро».
15. Галиева Г.Р. Фразеологизмы немецкого языка с деструктивным глагольным компонентом // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2020. – №6. – С. 186-189.
16. Гребенникова Д.Е. «Живые» и «Стертые» метафоры в языке публицистики // Вестник Московского государственного университета печати, 2012. – № 5. – С. 142-145.
17. Гусельникова О.В. Когнитивный аспект изучения фразеологии // Актуальные вопросы современной науки, 2009. – №5-2. – С. 155-162.
18. Давидович А.А. / Антология мудрости // Сост. В.Ю. Шойхер. – М.: Вече, 2012. – 847 с.
19. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
20. Джохадзе Д.В. Античный диалог и диалектика // Философия и общество, 2012. – № 2. – С. 23-45.
21. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1986. – С. 348–349.
22. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Фразеология в ассоциативном словаре // Известия АН. Сер. Литературы и языка, 1992. – Т. 51. – № 6. – С. 3-13.
23. Левин Г.Д. В споре рождается истина? [формы спора] // Вопросы философии, 2002. – № 11. – С. 48-59.
24. Журнал «Волга», 1954. – Т. 9. – С. 18.
25. Журнал «Дон», 1961. – Вып. 5 – С. 116.
26. Журнал «Искусство», 1951. – С. 80.
27. Журнал «Народное образование», 1960. – Вып. 7-12. – С. 63.
28. Журнал «Наука и жизнь», 1956. – Вып. 7-12 – С. 16.
29. Журнал «Наука и жизнь», 1961. – Вып. 16. – С. 17.
30. Журнал «Советская печать», 1960. – Вып. 9-12. – С. 11.: «Истина в том, что рабкор, становясь постоянным сотрудником отдела редакции, пусть нештатного, уже не просто рабкор, но он еще и не журналист. Ему предстоит расти из рабкора в ...».
31. Журнал «Новый мир», 1948. – Вып. 10-12. – С. 185.
32. Журнал «Огонёк», 1957. – Вып. 18-34. – С. 7.
33. Журнал «Октябрь», 1960. – С. 150.
34. Зеленкина О.Ю. Состав фразеологического кода английского языка (на материале номинативных и номинативно-коммуникативных фразеологических единиц): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2001. – 19 с.
35. Как Хрущев миру Кузькину мать показывал: стучал ли генсек ботинком по трибуне в ООН? // URL: [https:// kulturologia.ru/blogs/121016/31753/](https://kulturologia.ru/blogs/121016/31753/) (дата посещения: 01.04.2025).
36. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. – М.: АСТ, 2013. – 653 с.
37. Кареев Н.И. Мифологические этюды // Филологические записки, 1873. – В.3. – С. 38-42.
38. Кононов А. В порядке обсуждения. Несколько возражений тов. А. Макаренко // Детская и юношеская литература, 1939. – № 1. – С. 60.

39. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Феникс+, 1996. – С.20.
40. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. – М.: Международные отношения, 1972. – С. 221.
41. Лаврищева Е.В. Роль физиологической метафоры в репрезентации когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство» // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики, 2018. – Т. 4. – №1. – С. 13-22.
42. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой, под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 252 с.
43. Левин Г.Д. В споре рождается истина? [формы спора] // Вопросы философии, 2002. – № 11. – С. 48-59.
44. Любопытна в контексте антихристианской сущности семантического ядра этой «чёртовой паремии» также и сочиненная Д. Багрецовым пародия на это стихотворение: «Добро, должно быть, с кулаками, / С хвостом и острыми рогами, / С копытами и с бородой. / Колючей шерстью покрыто, / Огнём дыша, бия копытом, / Оно придёт и за тобой! / Ты слышишь — вот оно шагает, / С клыков на землю яд стекает, / Хвост гневно хлещет по бокам. / Добро, зловеще завывая, Рогами тучи задевая, / Всё ближе подползает к нам! / Тебе ж, читатель мой капризный, / Носитель духа гуманизма, / Желаю я Добра — и пусть / При встрече с ним мой стих ты вспомнишь, / И вот тогда глухую полночь / Прорежет жуткий крик: «На помощь!» А дальше — чавканье и хруст...».
45. Меньшенина П.К. В споре рождается истина // Молодой ученый, 2018. – № 20 (206). – С. 88-89. – URL: <https://moluch.ru/archive/206/50312/> (дата обращения: 26.03.2025).
46. Моисеева С.А. Когнитивная природа метафоры во фразеологическом пространстве языка // Когнитивные исследования языка / Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина и др.; гл. ред. Н.Н. Болдырев. – М.; Тамбов, 2015. – Вып. XXII: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы междунар. конгресса по когнитивной лингвистике, 30 сент. – 2 окт. 2015 г. / отв. ред. вып. Т.А. Клепикова. – С. 464-466.
47. Моргенштерн М. К вопросу о структуре аппарата госуд. управления в период реконструкции народного хозяйства // Строительство советского государства, Сборник первый. – М.: Издательство Коммунистической академии, 1929. – С. 261 (249-272). XXII+312 с.
48. Нейросеть Nicebot. Сочинение с примерами из литературы по теме «В споре рождается истина» // URL: <https://nicebot.ru/sochinenie-s-primerami-iz-literatury-po-teme-v-spore-rozhdaetsya-istin-148383> (дата посещ.: 01.04.2025).
49. Нечуй-Левицкий Н.Б. Вдуматься – отомстить // Вольное казачество, 1930. – № 55. – С. 15.
50. Перлов И.Д. Судебное разбирательство в советском уголовном процессе: Автореферат дис., представл. на соискание учен. степени доктора юрид. наук / Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – М., 1956. – С. 13.
51. Поливанов Е.Д. Русский язык сегодняшнего дня. Книга четвертая. – Л.: Государственное издательство, 1928. – С. 36.
52. Полянский В. Салтыков в своих письмах // Воинствующий материалист, 1925. – Вып. 4. – С. 231-243.
53. Почуева Н.Н. Особенности когнитивной метафоры как средства формирования значений фразеологических единиц (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018. – №9-1(87). – С. 149-153.
54. Примечательно, что впоследствии поэт сожалел об этих виршах и в поэтической форме раскаялся в содеянном: «Недопустима путаница слов, / подмена силлогизмов и понятий, / когда итогом служит смерть и кровь, / число скорбей, количество проклятий. / Напрасны ухищрения ума, / напрасно страсть раскидывает пути – / добро первоначально, как земля, / и пишется «Добро» с заглавной буквы. / Неграмотные формулы свои / я помню. И тем горше сожаленье, / что не одни лишь термины ввели / меня тогда в такое заблужденье».

55. Пронякин Ю.Ф. Курсанты. – М. : Военное издательство, 1959. – С. 76.
56. Разина А.С. Методы изучения фразеологических единиц // Филология и лингвистика. – 2019. – № 3 (12). – С. 21-23.
57. Романов Д.А. В.Л. Архангельский // Русский язык в школе, 2015. – № 3. – С. 70-76.
58. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: "Азбуковник", 1998. – 946 с.
59. Рыжов В.А., Рыжова С.В. О происхождении и значении некоторых фразеологизмов // Русский язык. – М.: Первое сентября, 2004. – Вып. 34. – URL: <https://rus.1sept.ru/index.php?year=2004&num=34> (дата обращения: 08.03.2025).
60. Салтыков-Щедрин М.Е. О раздоре / Письмо второе // Собрание сочинений в 20 т. – М.: Художественная литература, 1969. – Т. 7. – С. 200.
61. Самарин Д.А. О роли киберлингвистики в современной научной парадигме // Вестник Череповецкого государственного университета, 2019. – №3 (90). – С. 110-117.
62. Самситова Р.И. История изучения фразеологизмов в языкознании // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, 2019. – №4 (52). – С. 86-96.
63. Сахновский В.Г. Мысли о режиссуре. – М.: Гос. изд-во «Искусство», 1947. – 170 с.
64. Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соклова, О. В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
65. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 288 с.
66. Труды по прикладной энтомологии. Государственный институт опытной агрономии (РСФСР). Отдел прикладной энтомологии, 1926. – Т.13-15. – С. 83.
67. Труды противочумного краевого совещания. – Саратов, 1924. – Вып. 4-5. – С. 229.
68. Ученые записки ленинградского университета им. А.А. Жданова. Серия философских наук., 1957. – Т. 11-12. – С.?
69. Фролова Н.А. "В споре рождается истина" или "философия общего дела" против ницшеанского нигилизма // КНЖ. 2016. №1 (14). – С. 72-75.
70. Хайдер Кадхим Мвер. Соматические фразеологизмы: характеристика, функции и классификация // Научный аспект, 2023. – № 11. – С. 8.
71. Хайруллина Р. Х., Минигулова Г. З. Речевая агрессия: универсальное и национальное // Homo loquens в языке, познании, культуре. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 333-337.
72. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – СПб.: Специальная Литература, 1996. – С. 4.
73. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка, Вып. I. Изд. 2. – М., 1941. – С. 271.
74. Шевченко В.А. «Необходимо ударить, кого следует, чтобы делу не мешали»: введение антирелигиозного воспитания в советской школе в 1928-1929 гг. // Российская история, 2009. – № 1. – С. 86-96.
75. Щирова В.С. Соматические фразеологизмы немецкого языка в когнитивно-дискурсивном аспекте (на материале периодической печати): Диссер. на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук. – Тамбов, 2005.
76. Ярославский Е.М. Заседание Антирелигиозной комиссии 14 декабря 1928 г. // РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 871, л. 24 об.
77. Фоконье Г., Тернер М. Концептуальные интеграционные сети // Когнитивная наука. 1998. Том 22. № 2. С. 133-187.
78. Джейнс Дж. Происхождение сознания в процессе распада двухпалатного разума. Бостон: Houghton Mifflin Company, 1976. 469 с.